

ления и развития новых социальных контактов. Наличие поддержки близких людей значительно облегчает процесс интеграции. При организации психологической подготовки людей к столкновению с аналогичными ситуациями (выход в чужой мир) задачи установления новых социальных контактов должны быть в центре внимания. На основе данного исследования были предложены практические рекомендации психологического консультирования и организации интегративного курса для эмигрантов в Германии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психол. журн. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–19.
2. Михайлова Н.Б. Опыт психологического исследования ситуации безработицы в Германии // Психол. журн. 1998. Т. 19. № 6. С. 91–102.
3. Нартова-Бочавер С.К. “Coping behavior” в системе понятий психологии личности // Психол. журн. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30.
4. Ратц У., Михайлова Н.Б. Новый метод диагностики языковой компетентности: Ц-тест // Иностр. психол. 1995. Т. 3. № 5. С. 72–78.
5. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М., 1997. С. 348–349.
6. Aycha Abduljawad. Leben im Exil. Psychologische Untersuchung der subjektiven Lebenssituation ausländischer Flüchtlinge in Deutschland // Verlag für Interkulturelle Kommunikation. Frankfurt am Main. 1996.
7. Boneva Bonka, H. Friese Irene. Achievement, Power, and Affiliation Motives as Clues to (E)migration Desires: A Four-Countries Comparison // European Psychologist. 1998. V. 3. № 4. P. 247–255.
8. Fahrenberg J., Hampel R. Das Freiburger Persönlichkeitsinventar (FRI). Hogrefe. Göttingen, Testzentrale, 1994.
9. Horn W. Leistungsprüfsystem (LPS). Hogrefe. Göttingen, Testzentrale. 1983.
10. Jäger S. Brandsätze. Rassismus im Alltag. DISS. Duisburg, 1996. S. 34–38.
11. Magnusson D. Back to the phenomena: Theory, methods and statistics in psychological research // European Journal of Personality Psychology. 1992. № 6. P. 1–14.
12. Mikhailova N. The perception of their life situation by emigrants // Abstracts of the fifth European Congress of Psychology. Dublin, Ireland, 1997.
13. Mikhailova N. Personality Development in the Situation of Emigration // Abstracts of the sixth European Congress of Psychology. Rome. Italy. 1999.
14. Thoma H. Das Individuum und seine Welt. 3. Auflage, Hogrefe Verlag, Göttingen, 1996.
15. Schott E. Psychologie der Situation. Heidelberg: Asanger Verlag, 1991.

PSYCHOLOGICAL STUDY OF THE SITUATION OF EMIGRATION

N. B. Mikhailova

Cand. sci. (psychology), sen. res. ass., lab. of psychology of speech and psycholinguistics, IP RAS, Moscow

The situation of emigration was studied in Germany in 5 national groups: Russian Germans, Poles, Jews, Yugoslavs and Turks. Multiple differences in personality profile of subjects, their cognitive representations of life situation and behavioral strategies of emigrants were investigated during two years. The integration into the new society was very difficult for all national groups. The influence of emigration on human psychological development was various. Young and healthy people can be successful in foreign countries but relatively old, not so healthy and socially isolated people can fall ill and be frustrated in a situation of emigration.

Key words: situation of emigration, integration, behavioral strategies, personality development.

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕДКРИЗИСНОГО СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

© 2000 г. А. П. Назаретян

Докт. филос. наук, профессор, зам. главного редактора журнала "Общественные науки и современность"

В периоды, предшествующие антропогенным кризисам, массовые настроения и общественное сознание в целом обнаруживают ряд специфических черт. Показано, что эти черты, а также механизмы их образования и проявления во многом инвариантны по отношению к культурно-историческим различиям. Соответственно, по психологическим симптомам можно диагностировать приближение кризиса тогда, когда экономические, политические и прочие признаки свидетельствуют о растущем социальном благополучии.

Ключевые слова: агрессия, регуляция, устойчивость, технология, социальный интеллект, когнитивная сложность, антропогенный кризис, предкрайзисный человек.

ГИПОТЕЗА ТЕХНО-ГУМАНИТАРНОГО БАЛАНСА

Классик зоопсихологии К. Лоренц на большом фактическом материале показал наличие положительной зависимости между естественной вооруженностью того или иного вида и прочностью популяционцентрического инстинкта, препятствующего убийству себе подобных. Размышляя далее о причинах насилия в обществе, он заметил: «Можно лишь сожалеть о том, что человек... не имеет "натуры хищника"» [18, с. 237]. Если бы люди произошли не от таких биологически безобидных существ, как австралопитеки, а например, от львов, то войны занимали бы меньше места в социальной истории.

Свообразным ответом стала серия сравнительно-антропологических исследований внутривидовой агрессии [65]. Выяснилось, что в расчете на единицу популяции львы (а также гиены, лангursы и прочие сильные хищники) убивают друг друга чаще, чем современные люди.

Эти эмпирические результаты для многих оказались неожиданными. Во-первых, лев действительно обладает гораздо более мощным инстинктивным тормозом на убийство особей своего вида, чем человек (по данным известного палеопсихолога Б.Ф. Поршнева [35], на ранней стадии антропогенеза развивающийся интеллект подавил природные инстинкты, включая изначально слабый популяционцентрический). Во-вторых, плотность проживания в природе несравнима с городской, а концентрация и у людей, и у животных обычно повышает агрессивность. Наконец, в-третьих, несопоставимы "инструментальные" возможности: ос-

трым зубам одного льва противостоит прочная шкура другого, тогда как для убийства человека человеком достаточно удара камнем и в распоряжении людей гораздо более разрушительное оружие.

Сходный по смыслу результат получен австралийскими этнографами, сравнившими войны аборигенов со Второй мировой войной. Из всех стран-участниц только в СССР соотношение между количеством человеческих потерь и численностью населения превысило обычные показатели для первобытных племен [53].

По нашим подсчетам (совместно с историком А.В. Коротаевым), во всех международных и гражданских войнах XX века погибло от 110 до 140 млн. человек. Эти чудовищные числа, включающие и косвенные жертвы войн, составляют менее 1.5% живших на планете людей (около 10 млрд. в трех поколениях). Приблизительно такое же соотношение наблюдалось в XIX (30–35 млн. жертв на 3 млрд. населения) и, по-видимому, в XVIII в., но в XII–XVII веках процент жертв был несколько выше.

Это только предварительные результаты исследования, трудности которого связаны с противоречивостью данных и с отсутствием согласованных методик расчета (ср. [43, 66]). Но и самые осторожные оценки выявляют парадоксальное обстоятельство. С прогрессирующим ростом убойной силы оружия (в энергетическом выражении ядерная боеголовка мощнее каменного топора на 12–13 порядков [8]) и концентрацией населения процент жертв на протяжении тысячелетий не возрастал. Судя по всему, он даже медленно и неустойчиво сокращался, колеблясь между 5 и 1% за столетие.

Гораздо более выражена данная тенденция при сравнении жертв бытового насилия. Ретро-

* Работа проводится при финансовой поддержке РФФИ, проект № 97-06-80272.

спективно рассчитывать их еще труднее, чем количество погибших в войнах, но поскольку здесь нас интересует только порядок величин, то достаточно использовать косвенные свидетельства.

В XX в. войны унесли значительно больше жизней, чем бытовые преступления, а также "мирные" политические репрессии (в общей сложности от всех форм социального насилия погибли от 2 до 2.5% людей). Но в прошлом удельный вес бытовых жертв по сравнению с военными был иным. Особенно отчетливо это видно при сопоставлении далеких друг от друга культурно-исторических эпох.

Так, очень авторитетный американский этнограф Дж. Дайамонд, обобщив свои многолетние наблюдения и критически осмыслив данные коллег, резюмировал: "В обществах с племенным укладом... большинство людей умирают не своей смертью, а в результате преднамеренных убийств" [57, с. 277].

При этом следует иметь в виду и повсеместно распространенный инфантицид, и обычное стремление убивать незнакомцев, и недостаточную отрегулированность внутренних конфликтов. В качестве иллюстрации автор приводит выдержки из протоколов бесед, которые проводила его сотрудница с туземками Новой Гвинеи. В ответ на просьбу рассказать о своем муже ни одна из женщин (!) не назвала единственного мужчину. Каждая повествовала, кто и как убил ее первого мужа, потом второго, третьего...

Парадоксальное сочетание исторически возникшего потенциала взаимного истребления со снижением реального процента насилиственной смертности уже само по себе заставляет предположить наличие какого-то культурно-психологического фактора, компенсирующего рост инструментальных возможностей. Динамику влияния этого фактора удобнее показать не на глобальных, а на региональных расчетах, к чему я далее вернусь. Здесь же уместно отметить, что все эти расчеты проводятся для верификации следствий гипотезы, построенной на иных эмпирических основаниях.

Обобщение разнообразного материала культурной антропологии, истории и исторической психологии в рамках синергетической модели [22] привело к выводу, что на всех стадиях социальной жизнедеятельности соблюдается закономерная зависимость между тремя переменными – технологическим потенциалом, качеством выработанных культурой средств саморегуляции и устойчивостью социума. В самом общем виде зависимость, обозначенная как **закон техно-гуманитарного баланса**, формулируется следующим образом: *чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные механизмы сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества*.

Обстоятельства существования ранних гоминид сложились таким образом, что только разви-

тие инструментального интеллекта давало им шанс на выживание [11]. Но, начав производить орудия, они нарушили то, что Лоренц называл равновесием силы и "естественной морали". Эффективность искусственных средств нападения быстро превзошла эффективность как телесных средств защиты, так и инстинктивных механизмов торможения. Чрезвычайно развившийся психический аппарат, освобождаясь от природных ограничений, таил в себе новую опасность, но вместе с тем и резервы для совершенствования антиэнтропийных механизмов. Гоминидам удалось выжить, выработав искусственные (надинстинктивные) инструменты коллективной регуляции. Последствием самого первого в человеческой предыстории "экзистенциального кризиса" стало образование исходных форм протокультуры и протоморали, что подтверждается интерпретацией археологических данных [22].

С тех пор существование гоминид, включая и неоантропов, лишено естественных гарантий и в значительной мере определяется адекватностью культурных регуляторов технологическому потенциалу. Закон техно-гуманитарного баланса контролировал процессы исторического отбора, выбраковывая социальные организмы, не сумевшие своевременно адаптироваться к собственной силе. Ниже будет показано, что он помогает причинно объяснить не только факты внезапного надлома и распада процветающих обществ, но и столь же загадочные подчас факты прорыва человечества в новые культурно-исторические эпохи.

Хотя закон сформулирован на основании разнородных эмпирических данных, он рассматривается пока как гипотетический. Верификация нетривиальных следствий гипотезы не ограничена сравнительным расчетом военных жертв. В вычислительном центре РАН (А.М. Тарко и его сотрудники) разрабатывается аппарат, который, как мы ожидаем, позволит количественно оценивать устойчивость социума в зависимости от технологического потенциала и качества культурной регуляции.

Для построения исходных, сугубо ориентировочных формул мы различаем внутреннюю и внешнюю устойчивость. Первая (*Internal Sustainability, Si*) выражает способность социальной системы избегать эндогенных катастроф и исчисляется процентом их жертв от количества населения. Вторая (*External Sustainability, Se*) – способность противостоять колебаниям природной и geopolитической среды.

Если качество регуляторных механизмов культуры обозначить символом *R*, а технологический потенциал символом *T*, то гипотезу техно-гуманитарного баланса можно представить простым отношением:

$$Si = \frac{f_1(R)}{f_2(T)}. \quad (I)$$

Само собой разумеется, что $T > 0$, поскольку при нулевой технологии мы имеем дело уже не с социумом, а со “стадом”, где действуют иные – биологические и зоопсихологические законы. При низком уровне технологий предотвращение антропогенных кризисов обеспечивается примитивными средствами регуляции, что характерно для первобытных племен. Очень устойчивым, вплоть до застойности, может оказаться общество, у которого качество регуляторных механизмов значительно превосходит технологическую мощь. Хрестоматийный пример такого общества – конфуцианский Китай. Наконец, рост величины в знаменателе повышает вероятность антропогенных кризисов, если не компенсируется ростом показателя в числителе.

В настоящее время уточняются структуры каждого из компонентов уравнения (I), методики и единицы для измерения и сопоставления величин. Так, величина R складывается по меньшей мере из трех компонентов: организационной сложности общества, информационной сложности культуры (методики расчета этих показателей разрабатывают американские антропологи [54]) и когнитивной сложности среднего носителя данной культуры (этот параметр изучается средствами экспериментальной психосемантики [32]). Последняя составляющая наиболее динамична, и, как мы далее увидим, именно ситуативное снижение когнитивной сложности под влиянием эмоций способно служить решающим фактором кризисогенного поведения. Следует добавить, что внешняя устойчивость, в отличие от внутренней, является положительной функцией технологического потенциала:

$$Se = g(T\dots). \quad (II)$$

Таким образом, *растущий технологический потенциал делает социальную систему менее зависимой от состояний и колебаний внешней среды, но вместе с тем более чувствительной к состояниям массового и индивидуального сознания*.

Отсюда также следует, что удельный вес антропогенных кризисов по сравнению с кризисами внешнего происхождения (спонтанные изменения климата, геологические и космические катаклизмы, для отдельного социума – неспровоцированное появление новых врагов и т.д.) в ходе исторического развития не мог не возрастать.

ДИСПРОПОРЦИИ В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И АНТРОПОГЕННЫЕ КРИЗИСЫ

В период вьетнамо-американской войны к первобытному охотничьему племени горных кхмеров попали американские карабины. Освоив новое оружие, туземцы за несколько лет истребили

фауну, перестреляли друг друга, а оставшиеся в живых спустились с гор и деградировали [30].

Этнографическая литература полна примерами подобного рода, которые с точки зрения обсуждаемой модели представляют собой артефакты. Процессы форсированы, сжаты во времени, а причины и следствия очевидны, поскольку социум пересекает сразу через несколько исторических фаз, оставляя глубокий разрыв между “технологией” и “психологией”. В аутентичной истории таких резких перескоков через фазы обычно не происходит и диспропорции между уровнями инструментального и гуманитарного интеллекта (“силой” и “мудростью”) не столь выражены. Поэтому связи причин со следствиями сложны, запутаны и растигнуты на века, а в ранней истории и на тысячелетия. Каузальная схема аналогична, но выявить ее можно только при внимательном анализе, обеспеченному эвристической рабочей моделью.

Объяснение модели удобно начать с известного эксперимента в чашке Петри. Несколько бактерий, помещенных в замкнутый сосуд с питательным бульоном, безудержно размножаются, а затем популяция задыхается в собственных экскрементах. Это наглядный образ поведения живого вещества: пока “инструментальные” возможности экстенсивного роста превосходят сопротивление среды, популяция захватывает доступное жизненное пространство, подавляя в меру сил всякое противодействие или конкуренцию [40].

В естественных условиях обостряющиеся экологические кризисы разрешаются при помощи отработанных за миллиарды лет механизмов динамического уравновешивания. Это в конечном счете повышает внутреннее разнообразие биоценоза, совокупная устойчивость которого сочетается с весьма изменчивыми условиями жизни каждой популяции (колебательные контуры в системе “хищник–жертва” и т.д.).

Культура в ее материальной и регулятивной ипостасях изначально ориентирована на освобождение от спонтанных колебаний среды. Социальные сообщества, в отличие от животных, не ведут себя так прямолинейно, как колония бактерий в чашке Петри, до тех пор, пока роль сопротивляющейся среды выполняют культурные регуляторы¹. Но нарушение баланса между возросшими технологическими возможностями и прежними механизмами регуляции способно в корне изме-

¹ Иногда эти регуляторы ужасают наблюдателя из другой культуры, но обеспечивают стабильное пребывание социума в экологической нише. Например, многие этнографы информировали о том, что характерным для первобытных племен способом сохранения демографической устойчивости служит нормативный инфантцид – систематическое истребление “лишних” младенцев, особенно женского пола, – и кастрация [16, 17, 44, 55, 65].

нить обстановку. По формуле (I), оно снижает внутреннюю устойчивость общества, но надвигающаяся угроза замечается не сразу.

Наоборот, превосходство инструментального интеллекта над гуманитарным влечет за собой всплеск экологической и(или) geopolитической агрессии. Недостаточность культурных сдержек делает поведение социума по существу подобным поведению биологической популяции, причем к естественным импульсам экспансии добавляется сугубо человеческий фактор – возрастание потребностей по мере их удовлетворения.

Собственно психологический аспект этого процесса подробнее рассмотрен в следующем разделе. Здесь же отмечу, что рано или поздно экстенсивный рост наталкивается на реальную ограниченность ресурсов, и это оборачивается антропогенным кризисом. Далее чаще всего наступает катастрофическая фаза: общество гибнет под обломками собственного декомпенсированного могущества.

Как показывает специальный анализ, большинство племен, государств и цивилизаций в близком и отдаленном прошлом погибли не столько из-за внешних причин, сколько оттого, что сами подорвали природные и организационные основы своего существования. Вторжения же извне, эпидемии, экологические катаклизмы или внутренние беспорядки при этом довершили саморазрушительную активность социального организма, подобно вирусам и раковым клеткам в ослабленном биологическом организме.

В книге [7] собраны факты, свидетельствующие о печальной судьбе многих обществ, не сумевших предвидеть долгосрочные последствия хозяйственной деятельности. При всех конкретных вариациях события развивались по простой схеме: нарастающее вторжение в биогеоценоз – разрушение ландшафта – социальная катастрофа.

Исследователи отмечают, что разрушение империй часто следовало за расцветом, если их экстенсивное развитие не сопровождалось ростом внутреннего разнообразия [12, с. 30–31; 14, с. 31–32]. А. Тойнби привел множество примеров, иллюстрирующих обратную зависимость между “военным и социальным прогрессом”, и недоумевал по поводу того, что сказанное относится также и к производственным орудиям. “Если проследить развитие сельскохозяйственной техники на общем фоне эллинистической истории, то мы обнаружим, что и здесь рост технических достижений сопровождался упадком цивилизации” [42, с. 231]. И в целом за усилением власти над природой чаще всего следовал “надлом и распад” [42, с. 335].

Открытые историками факты надлома социальных систем *вследствие* развития технологий настолько обильны, что они служат поводом, с

одной стороны, для тотального технологического пессимизма, с другой – для отрицания общечеловеческой истории. Концепции единого исторического процесса еще в конце XIX–начале XX вв. стали вытесняться моделями замкнутых цивилизационных циклов и монад, лишенных преемственности и эволюционной последовательности². В последнее время полемика вокруг эволюционных представлений вновь оживилась в России и за рубежом (см. об этом [1, 9, 14, 15, 23, 58, 61] и др.). В значительной мере она концентрируется на психологической стороне вопроса: изменялось ли в исторической ретроспективе сознание людей, и если да, то носили ли эти изменения “прогрессивный” характер? В частности, продолжает критически обсуждаться идея Л. Колберга [59], перенесшего на область исторической эволюции выводы Ж. Пиаже о положительной корреляции между интеллектуальным и нравственным развитием личности.

Сегодня эта идея получает новые фактические и концептуальные основания. Гипотеза техно-гуманитарного баланса вовлекла в сферу внимания не только факты саморазрушения социальных систем, но также и обстоятельства конструктивного разрешения антропогенных кризисов. Таких случаев в истории значительно меньше, зато именно они были вехами в становлении и развитии цивилизации. В ряде случаев, когда кризис охватывал обширный культурно насыщенный регион с высоким уровнем внутреннего разнообразия, его обитателям удавалось найти кардинальный выход из тупика. Каждый раз это обеспечивалось комплексом необратимых социальных и психологических изменений (см. далее), которые выстраивались в последовательные эволюционные векторы.

Таких прорывов в истории и предыстории человечества удалось выявить и описать не менее шести [22, 23]. Возможно, в действительности их было больше, но ненамного. Например, А. Тоффлер [64] выделяет три комплексных исторических революции, Ф. Спир [63] – четыре. К. Ясперс [51] усмотрел в прошлом только одну настоящую революцию, зато такая “зашоренность” позволила ему впервые комплексно описать переворот Осевого времени.

Странно отметить, что до сих пор ученые, работающие над данной проблематикой, либо ограничивались описанием революционных пере-

² «“Человечество” – это зоологическое понятие или пустое слово», – писал О. Шпенглер [49, с. 151], доказывая, что в реальной истории существовали изолированные культурные монады. Близкого представления некоторое время придерживался А. Тойнби, но дальнейшие исследования заставили его изменить точку зрения [33]. Сегодня неприятие эволюционного мировоззрения объединяет таких антиподов, как приверженцы постмодернизма в науке и идеологии всех разновидностей фундаментализма.

мен, не касаясь их причин и предпосылок, либо оставляли этот вопрос будущим исследователям. Так, Ясперс сформулировал “загадку одновременности”: каким образом столь грандиозные и одноплановые культурные трансформации, как переход к Осевому времени, могли произойти одновременно на огромном географическом пространстве от Иудеи и Греции до Китая?

Гипотеза техно-гуманитарного баланса позволяет перейти от феноменологического к причинному изучению эпохальных переломов в истории, каждому из которых предшествовал масштабный антропогенный кризис. Тем самым мы также приближаемся к разрешению парадокса, обозначенного в начале статьи. Люди пока не истребили друг друга и не разрушили природу благодаря тому, что, проходя через горнило драматических кризисов, они в конечном счете адаптировали свое сознание к растущим технологическим возможностям. “История, – писал по этому поводу крупнейший культуролог Г.С. Померанц, – это прогресс нравственных задач... которые ставят перед отдельным человеком коллективное могущество человечества, задач все более и более трудных, почти невыполнимых, но которые с грешком пополам все же выполняются (иначе все бы давно развалилось)” [34, с. 59].

Итак, человеческое сознание исторически последовательно (“прогрессивно”) эволюционировало, восстанавливая нарушавшийся культурный баланс. Тем любопытнее обстоятельство, обнаруженнное при изучении деятельности, предшествующей обострению кризисов. А именно, предкризисные фазы экстенсивного роста сопровождаются однотипными психическими состояниями, процессами и механизмами, которые *во многом инвариантны по отношению к культурно-историческим особенностям населения*. Соответственно, по психологическим симптомам возможно диагностировать приближение кризиса тогда, когда экономические, политические и прочие признаки еще свидетельствуют о растущем социальном благополучии.

НОМО PRE-CRISI – ПРЕДКРИЗИСНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Рассмотрим ряд ярких исторических сюжетов из числа тех, которые можно назвать “*оптимистическими трагедиями*”. Такой выбор поможет отследить характерные психологические черты не только предкризисной культуры, но и культуры, сумевшей преодолеть последствия кризисного развития. Сразу оговорюсь, что здесь и далее речь идет только о внутренней логике событий, и такая модель вовсе не исключает влияние преходящих факторов, вплоть до космических, на биоэнергетику социальных процессов [48].

...Тысячелетия верхнего палеолита ознаменованы беспрецедентным развитием “охотничьей автоматики”. Люди научились рыть хитроумные ловчие ямы, изобрели копья, дротики, копье-металки, лук со стрелами [11, 39]. Это создало весьма благоприятные условия для демографического роста и распространения человечества по территории Земли. Население достигло 4–5 млн. человек [60, 62], не знавших иных способов хозяйствования, кроме охоты и собирательства. Поскольку же для стабильного прокорма одного охотника требуется территория в среднем около 20 кв. км, то ресурсы планеты приближались к исчерпанию.

Но дело не только в демографическом росте (который сам становится функцией соотношения технологии и психологии). Археологам открываются следы настоящей охотничьей вакханалии верхнего палеолита. Если природные хищники, в силу установившихся естественных балансов, способны, как правило, добывать только больных и ослабленных особей, то оснащенный охотник имел возможность (и желание) убивать самых сильных и красивых животных, причем в количестве, далеко превосходящем биологические потребности. Обнаружены целые “антропогенные” кладбища диких животных, большая часть мяса которых не была использована людьми [2, 4, 5, 20]. Жилища из мамонтовых костей строились с превышением конструктивной необходимости, с претензией на “роскошь”. На строительство одного жилища расходовались кости от 30 до 40 взрослых мамонтов плюс множество черепов новорожденных мамонят, которые использовались в качестве подпорок и, видимо, в ритуальных целях [5]. Около жилища иногда располагались ямы-кладовые мамонтовых костей с не всегда понятным назначением. Загонная охота приводила к ежегодному поголовному истреблению стад [2].

По мнению многих палеонтологов, активность человека стала решающим фактором исчезновения с лица Земли мамонтов и целого ряда других животных. Искусные охотники верхнего палеолита впервые проникли на территорию Америки, быстро распространились от Аляски до Огненной Земли, полностью истребив всех крупных животных, в том числе, слонов и верблюдов – стада, никогда прежде не встречавшиеся с гоминидами и не выработавшие навыки избегания этих опаснейших хищников [4, 5]. Аналогичными эффектами сопровождалось появление людей в Океании и Австралии [57].

Замечу, все это происходило в эпоху приближающегося голоцене, т.е. послеледникового периода, что могло бы способствовать расцвету присваивающего хозяйства. На деле же именно в это время присваивающее хозяйство зашло в тупик. Природа не могла бесконечно выдерживать давление со стороны столь бесконтрольного агрессора. Ничем не регулируемая эксплуатация ресурсов привела к их истощению, разрушению биоценозов и обострению межплеменной конкуренции. За последние тысячелетия апополитеиного палеолита население средних широт планеты сократилось в несколько раз.

Радикальной реакцией на верхнепалеолитический кризис стала неолитическая революция – переход части племен к оседлому земледелию и скотоводству. Люди впервые “приступили к сотрудничеству с природой” [46], и экологическая ниша человечества значительно углубилась. С развитием сельскохозяйственного производства вместимость территории взросла на один, а затем на два и три порядка [13].

Переход от присваивающего к производящему хозяйству был сопряжен с комплексными изменениями в социальных отношениях и психологии. Чтобы бросать в землю пригодное для пищи зерно, кормить и охранять животных, которых можно убить и съесть, необходим значительно большийхват причинно-следственных зависимостей. Возросший информационный объем мышления проявился во всех аспектах жизнедеятельности. Существенно расширились социальные связи и ролевой репертуар. Дифференциация орудий на производственные и боевые способствовала качественно новому типу отношений между сельскохозяйственными и “вом

иинственными" племенами. Воины догадались, что выгоднее охранять и опекать производителей, систематически изымая "излишки" продукции, чем истреблять или сгонять их с земли, а производители – что лучше, откупаясь, пользоваться защитой воинов, чем покидать земли или гибнуть в безнадежных сражениях (см. подробнее [22]).

Такие формы межплеменного симбиоза и "коллективной эксплуатации" вытесняли геноцид и людоедство палеолита. Как подчеркнул П. Тейяр де Шарден, после неолита даже в самых жестоких войнах "физическое устранение становится скорее исключением или, во всяком случае, второстепенным фактором" [41, с. 168]. Современные антропологи, изучающие процесс перехода от изолированных племен к племенным союзам ("вождеством"), не раз отмечали, что только тогда "люди впервые в истории научились регулярно встречаться с незнакомцами, не пытаясь их убить..." [57, с. 273].

...В XII–XI вв. до н. э. на Переднем Востоке, в Закавказье и Восточном Средиземноморье началось производство железа, которое быстро распространилось также на Индию и Китай. Это резко повысило возможности экстенсивного (в том числе демографического) роста.

Бронзовое оружие было дорогим, хрупким и тяжелым. Войны велись небольшими профессиональными армиями, состоявшими из физически очень сильных мужчин; подготовка и вооружение таких армий было делом весьма дорогостоящим. Найти адекватную замену погившему воину было трудно, поэтому своих берегли, а врагов в бою стремились истребить как можно больше. Пленных убивали, в рабство уводили женщин и детей, а повинование покоренного населения достигалось методами террора. Статуи местных богов демонстративно разрушались или "увозились в плен" т.д. [3, 10].

Стальное оружие оказалось значительно дешевле, прочнее и легче бронзового, что позволило вооружить все мужское население, место профессиональных армий заняли своего рода "народные ополчения". Сочетание же новой технологии с прежними военно-политическими ценностями сделало людей раннего железного века необычайно кровожадными.

Императоры и полководцы той эпохи высекали на камне хвастливые "отчеты" перед своими богами о количестве уничтоженных врагов, разрушенных и сожженных городов, представленные часто в садистских деталях (подборка текстов из [45] см. в [22, с. 77]). Кровопролитность сражений повысилась настолько, что поставила под угрозу сохранение технологически передовых цивилизаций.

Ответом культуры на этот кризис и стал духовный переворот Осевого времени, причины которого, как выше отмечено, до недавнего времени оставались загадкой. На обширном культурно-географическом пространстве великие религиозные пророки, философы и политические деятели задавали тон напряженной работе общества по переосмыслинию всей системы ценностей. За несколько столетий неизвестно переменился облик культуры. Существенно возросла когнитивная сложность общественного и индивидуального сознания, способность людей к абстрагированию и рефлексии, масштабы *родовой идентификации*. Мифологическое мышление было впервые потеснено мышлением личностным (критическим), новая инстанция нравственного самоконтроля – *сознание* – сделала альтернативой традиционной богобоязни. Враги учились видеть друг в друге людей, понимать и сочувствовать друг другу [22, 28, 50, 51].

Эти процессы отчетливо отразились в политических отношениях. Мерилом военного успеха и доблестию стало считаться достижение предметной цели, а не количество жертв. Резко повысилась роль разведывательной информации, а также пропаганды среди войск и населения противника. Складывалась традиция "опеки" царей-победителей над местными богами и жрецами. "Политическая демагогия" как

средство умиротворения ограничила обычные прежде методы террора...

...Индустриальная революция позволила Европе выбраться из затянувшегося на несколько столетий сельскохозяйственного кризиса. Она предварялась и сопровождалась бурным развитием идей гуманизма, просвещения и прогресса, превосходства активного Духа над пассивной Материей, Будущего над Прошлым. Эти великие идеи, обеспечившие новый исторический прорыв, несли с собой также рационализацию чувства превосходства и экстенсивного роста, подкрепленного техническими достижениями.

Власть европейских держав, распространявших огнем и мечом свет разума среди отсталых народов, охватила всю планету, естественные ресурсы которой попадали под контроль метрополий. Вместе с социально-экономическим благополучием и потребностями росла вера граждан в нравственный прогресс и вечный мир, построенный на безусловном превосходстве западной культуры, европейских ценностей и ума. Пока солдаты сражались в экзотических краях, жителям метрополии казалось, что войны с их жестокостью уходят в прошлое. Не удивительно: во всех колониальных войнах XIX в. европейские потери составили 106 тыс. человек, тогда как потери их противников исчислялись миллионами [43].

К началу XX в. резервы экстенсивного роста были исчерпаны, но до отрезвления оставалось еще далеко. О том, что инерция экстенсивного роста и соответствующие настроения продолжали доминировать, можно судить не только по дальнейшим событиям, но и множеству официальных, меморандумных документов и косвенных данных. Жажда все новых успехов и достижений рождала в умах политиков, интеллигенции и масс радостное ожидание то ли "маленькой победоносной войны", то ли "революционной бури" [47]. Самой наглядной иллюстрацией к сказанному могут служить фотографии, датированные августом 1914 года, на которых изображены многотысячные толпы манифестантов со счастливыми лицами на улицах Петрограда, Берлина, Вены и Парижа.

В итоге, если суммарные военные потери европейских стран за XIX век составили около 5.5 млн. человек [43] – по нашим расчетам, около 15% всех мировых жертв, – то в XX – до 70 млн., т.е. не менее 50%. Потребовалась две мировые войны, Хиросима и многолетнее "равновесие страха", чтобы Европа психологически перестроилась. Надолго ли?..

Сопоставление множества кризисных эпизодов прошлого и настоящего позволяет обобщить некоторые психологические наблюдения. Когда инструментальные возможности агрессии преодолевают культурные ограничители и начинается экстенсивный рост, общественное сознание и массовые настроения приобретают соответствующие свойства. С ростом потребностей усиливается ощущение всемогущества и вседозволенности. Формируется представление о мире как неисчерпаемом источнике ресурсов и объекте покорения. Эйфория успеха создает нетерпеливое ожидание все новых успехов и побед. Процесс покорения, а значит и поиска умеренно сопротивляющихся врагов, становится самоценным, иррациональным и нарастающим.

Близость желанных целей усиливает мотивационное напряжение (феномен градиента цели). Согласно же закону оптимума, эффективность простой деятельности пропорциональна силе мотивации, но эффективность сложной деятельности

ти при чрезмерной мотивации падает. В этом один из источников опасности.

Как известно из экспериментальной психосемантики, эмоциональное напряжение уменьшает размерность сознания [31]. Снижается когнитивная сложность субъекта, мышление примитивизируется и проблемные ситуации видятся более элементарными, в то время как объективно с ростом технологических возможностей задача сохранения социальной системы становится более сложной. Иначе говоря, индекс в числителе уравнения (I) не только не растет соразмерно знаменателю, но, напротив, падает. Углубляющийся таким образом культурный дисбаланс снижает внутреннюю устойчивость общества.

Изучая предпосылки революционных кризисов, американский психолог Дж. Девис [56] показал, что им всегда предшествует рост качества жизни. В какой-то момент удовлетворение потребностей несколько снижается (часто в результате неудачной войны, которая мыслилась как "маленькая и победоносная"), а ожидания продолжают по инерции расти. Разрыв порождает фruстрации, положение кажется людям невыносимым и унизительным, они ищут виновных – и агрессия, не находящая больше выхода вовне, обращается внутрь социальной системы. Эмоциональный резонанс провоцирует массовые беспорядки [25]. Часто это становится завершающим актом в трагикомедии предкрайсисного развития.

Автору этих строк доводилось много работать с моделью Девиса, примеряя ее к разным странам и ситуациям, и убедиться в ее эвристической продуктивности [24]. Мой опыт позволяет добавить, что она применима и к большим сообществам типа государств и цивилизаций, и к малым, действующим внутри большого³. Сегодня она с определенными оговорками применима и к мировому сообществу.

Поскольку отдельные страны, регионы и планетарная цивилизация в целом переживают типичный антропогенный кризис, вопрос о механизмах обострения и преодоления таких кризисов не может считаться академическим. Ряд фактов свидетельствует о том, что во второй половине XX в. произошли обнадеживающие сдвиги в общественном сознании. Многолетнее воздержание от применения самых разрушительных видов оружия, образование межгосударственных коалиций, не направленных против третьих сил, целенаправленные и часто эффективные экологические мероприятия – все это по существу не имеет предшественников в истории человечества. Возникла надеж-

да, что культуры западного типа уже выработали прочный резерв рационального контроля над инстинктивными импульсами линейной экспансии.

Но, к сожалению, ход событий после безусловной победы одной из сторон в холодной войне показывает, что степень зрелости политического мышления даже в самой продвинутой из современных культур не отвечает требованиям, налагаемым наличным технологическим потенциалом. Эйфория успеха в очередной раз обнажила ативистический инстинкт и запустила психологические механизмы силовой экспансии. Заметно снизились политический интеллект, способность комплексно оценивать последствия сиюминутно соблазнительных действий и, соответственно, качество принимаемых решений.

В годы холодной войны американские спецслужбы демонстрировали подлинные образцы политической технологии, проводя подчас тонко продуманные операции для достижения четко поставленных целей. Это обеспечивалось участием в подготовке операций специалистов по политической психологии, страноведению и культуре (см. об этом [24]). Перестав же ощущать соразмерное сопротивление среды, стратеги начали терять голову. Их интерес к сотрудничеству с психологами и культурологами заметно ослаб, а решения становятся более импульсивными, самонадеянными и менее продуманными.

Когда в ответ на взрывы американских посольств в августе 1998 г. последовала безадресная стрельба ракетами – до выявления конкретных преступников и их местонахождения, – это подозрительно напоминало реакции первобытного человека (при исчезновении сородича считается несомненным, что виновно соседнее племя и требуется в ответ убить кого-нибудь из его представителей [6]). Инстинкт овладения пространством оказался сильнее рациональных доводов и при решении о расширении НАТО на восток, хотя до 80% научных аналитиков США предупреждали о его экономической и политической контрпродуктивности.

Кульминацией процесса (пока!) стала поразительная по опрометчивости атака на Югославию в марте 1999 г. Поражает то, какой плоской моделью руководствовались западные политики при подходе к сложнейшему конфликту, как мало знали о регионе люди, принимавшие решение о начале военных действий, и как неумело были просчитаны сценарии событий на Балканах и в мире. (Из ученых-гуманистариев по-настоящему были востребованы только правоведы, получившие задание юридически обосновать вторжение, но так и не сумевшие вразумительно это сделать.)

Существует правило психодиагностики: если в какой-то из значимых тематических областей интеллектуальный уровень рассуждений субъекта

³ Например, эта модель, вкупе с законами мотивационного оптимума и эмоционального уплощения образа, помогает понять некоторые процессы в революционных партиях и причины неожиданного "поглупения" политических лидеров при ощущении приближающегося успеха.

заметно снижается, за этим следует искать скрытый патогенный фактор [29]. В нашем случае снижение когнитивной сложности отчетливо прослеживается не только в политических действиях, но также в приемах идеологической и пропагандистской рационализации. По данным американских психологов Э. Криса и Н. Лейтеса, даже во время Второй мировой войны одномерные смысловые конструкты, связанные с безусловной демонизацией противника, систематически использовались только советской и отчасти немецкой пропагандой, тогда как западные союзники выстраивали апелляции в pragматическом ключе. (В 1939 г. английский военный министр У. Черчилль подвергся публичным упрекам только за то, что позволил себе назвать нацистов "туннами" [52].)

Дело, конечно, не в том, что уровень пропагандистской аргументации опустился до манихейского уровня, а в том, что он оказался приемлемым для общественного сознания. Удовлетворяясь односторонней информацией и прямолинейной агитацией, люди не искали альтернативных источников и не задавали себе самых очевидных вопросов. Например, почему следует столь бескомпромиссно защищать интересы косовских албанцев, но не кипрских греков, выселенных из своих домов в результате внешней военной интервенции, не сербских беженцев, насильственно вытесненных из сопредельных стран, и курдов, подавление прав которых в Турции далеко превосходит по жестокости репрессии против косоваров? Или: как бы действовал на месте С. Милошевича демократический президент, если бы в страну проникли сотни тысяч нелегальных иммигрантов, стали бы вооружаться, убивать и изгонять коренных граждан и требовать отделения части территории?

Задумавшись над подобными вопросами, не предвзятый наблюдатель легко убедился бы, что спасение албанцев – не более чем надуманный предлог и сербы выбраны в качестве объекта агрессии просто потому, что были сочтены достаточно слабыми и "чужими". А средневековая ("домакиавеллиевская") аргументация, связывающая военную агрессию исключительно с моральными резонами, – самообман, убожество которого и составляет самый опасный аспект ситуации. Коль скоро *massa* американских и европейских граждан (выделенные слова в норме абсолютно несочетаемы) так легко поддалась гипнозу бого-дьявольских образов, приходится предположить, что люди были "обманываться рады". То есть общество бессознательно ожидало и жаждало врача, которого ему и преподнесли на блюдечке.

В 1991 г. подготовка операции по освобождению захваченного Кувейта вызвала в Европе волну антивоенных демонстраций. А в 1999 г. не-

спровоцированная агрессия против суверенного государства без санкции гражданских международных организаций на первых порах сопровождалась активным или пассивным одобрением. Это очень тревожный симптом, свидетельствующий о том, что за прошедшие восемь лет созревшее прежде чувство потенциальной опасности и ответственности вытеснилось до боли знакомым ощущением всемогущества и безнаказанности. И что выработанные западной духовной культурой терпимость, склонность к разносторонней оценке и пониманию оппонента не выдержали испытания глубоко скрытыми и удивительно легко рационализуемыми импульсами агрессии.

Похоже, что глубокомысленные рассуждения политологов и политических обозревателей о далеко идущих планах НАТО суть те же попытки рационализовать действия, побуждаемые в действительности иррациональными мотивами. Удалось бы армиям НАТО "малой кровью" справиться с Югославией – массовое ожидание новых побед и новых слабых врагов толкнуло бы политических и военных лидеров на очередные авантюры. Но за этим стоят не продуманные стратегии, а вышедший из-под сознательного контроля угар экстенсивного роста. Вероятно, мы наблюдаем именно тот массовый клинический синдром ("хлеба и зрелиц"), который не раз в истории предварял крушение процветающих цивилизаций.

Одним из важнейших параметров антропогенного кризиса является его глубина. Чем больше объем ресурсов для экстенсивного роста и чем, следовательно, дольше не поступает отрицательная обратная связь от среды, тем прочнее выработанные стереотипы деятельности и меньше шансов на успешное разрешение кризиса [19]. Не столкнувшись НАТО на сей раз со столь упорным сопротивлением – и глубина кризиса продолжала бы нарастать. К сожалению, неуклюжая политика российского руководства сначала помогла НАТО сломить затянувшееся сопротивление сербов, а затем надолго отсрочила грядущее разочарование от победы, переориентировав на русских солдат недовольство "миротворцами" со стороны косовских экстремистов. Время покажет, разрушил ли ход событий вокруг Югославии притягательный образ "маленькой победоносной войны" и стал ли кризис стимулом к отрезвлению общественного сознания. От того, насколько быстро это произойдет, может решающим образом зависеть судьба не только Европы, но и всей современной цивилизации.

КУЛЬТУРА И ЧЕЛОВЕК ПОСЛЕ КРИЗИСА

В начале статьи отношение количества жертв социального насилия к общей численности насе-

ления планеты за разные столетия было ориентировано оценено в 1–5%. Экстраполируя даже минимальный процент на XXI в., мы при любых демографических раскладках получим умопомрачительные цифры. Но линейная экстраполяция – только необходимый начальный этап научной прогностики. Если закон техно-гуманитарного баланса сформулирован верно, то следует ожидать, что сочетание развивающейся технологии (не только военной) с исторической и психологической инерцией прежних эпох вероятнее всего обернется самоистреблением планетарной цивилизации.

На протяжении полувека удавалось избежать “горячей” мировой войны ценой переноса противоречий в русло локальных вооруженных конфликтов, суммарное число жертв которых сравнимо с показателями двух мировых войн. Но оружие и приемы политического терроризма развиваются таким образом, что каждая локальная война начинает приобретать глобальную опасность. Перед человечеством впервые в истории всталась задача не просто упорядочить, смягчить формы или “цивилизовать” политическое насилие (на что ориентированы все традиционные культуры и религии), а устраниТЬ его из социальной жизни. Решить эту очень трудную комплексную задачу или потерпеть исторический крах предстоит ближайшим поколениям.

Выдающийся антрополог М. Мид в лекции о развитии мировой культуры для студентов Иельского университета говорила: “Мы, человечество, находясь в разгаре эволюционного кризиса, вооружены новым фактором эволюции – осознанием этого кризиса” [21, с. 362]. Знание, осознание, рефлексия – мощные факторы культурного контроля над агрессивными импульсами. Вопрос в том, развиваются ли сегодня эти факторы достаточно динамично, чтобы блокировать инерционные тенденции.

Здесь самое время вернуться к опыту “оптимистических трагедий”, тех сюжетов человеческой истории, когда удавалось преодолеть инерцию деятельностных схем, ставших неадекватными, и прогрессивно разрешить антропогенный кризис. Это каждый раз было обеспечено комплексом сопряженных изменений.

Во-первых, возрастала удельная продуктивность технологий – объем полезного продукта на единицу вещественных и энергетических затрат, т.е. разрушений. Во-вторых, расширялась групповая идентификация, усложнялись организационные связи и росла внутренняя дифференциация общества. В-третьих, увеличивалась информационная емкость мышления – когнитивная сложность, охват отражаемых зависимостей и т.д. В-четвертых, совершенствовались приемы межгруппового и внутригруппового компромисса –

система культурных ценностей, мораль, право, методы социальной эксплуатации, цели и формы ведения войны; в итоге политические задачи, как и хозяйствственные, могли решаться ценой относительно меньших разрушений.

Таким образом, в современной эволюционной концепции “прогрессивное развитие” – не цель, а средство сохранения сложной (биологической, социальной или социоприродной) системы, переживающей фазы неустойчивости. Выше отмечено, что с каждым прорывом в развитии культуры последовательно углублялась экологическая ниша человечества и увеличивались социальные возможности сосуществования. Но вслед за этим возобновлялись рост населения, технологий и социальных притязаний, и с разрешением одного кризиса начиналась дорога к следующему. Определяющее развитие механизмов культурной саморегуляции по отношению к растущему технологическому потенциалу обеспечило бы в этом плане идеальную ситуацию (см. уравнения (I) и (II)), которая едва ли реально наблюдалась где-либо в истории.

Сегодня сценарии выживания мировой цивилизации включают грандиозную перестройку социальных, политических и психологических структур, многие аспекты которой болезненно диссонируют с установками традиционного сознания. В частности, императивом сохранения цивилизации, по-видимому, становится отмирание макрогрупповых (национальных, классовых, конфессиональных) культур, которые всегда строятся в ментальной матрице “они–мы”, а значит и государственных форм политической организации. В соответствии с общесистемным законом иерархических компенсаций [37, 38], ограничение разнообразия макрогрупповых культур станет условием роста совокупного разнообразия за счет умножения микрогрупповых культур [26]. Это будет способствовать формированию механизмов неконфронтационной солидарности, которые очень слабо представлены в прежнем историческом опыте.

Но трудности преодоления древнейшего исторического феномена и института войны связаны не только с социально-организационными фактами: специальные исследования показали, что военная активность удовлетворяет целый ряд обычно неосознаваемых функциональных потребностей человека [22, 36]. Механизмы сублимации и замещающей активности, отраженные в опыте традиционных культур, сегодня оказываются недостаточными, и разработка новых, более эффективных механизмов с помощью современных технологий – один из самых трудных компонентов задачи, требующей непосредственного участия психологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаев Л.Б. Размышления о социальном прогрессе // Общественные науки и современность. 1999. № 4.
2. Аникович М.В. Восточно-европейские охотники на мамонтов как особый культурно-исторический феномен // SETI: прошлое, настоящее и будущее цивилизаций. Тезисы конференции. М., 1999.
3. Берzin Э.О. Вслед за железной революцией // Знание – Сила. 1984. № 8.
4. Будыко М.И. Эволюция биосфера. М., 1984.
5. Буровский А.М. Идиллический палеолит? // Общественные науки и современность. 1998. № 1.
6. Война и мир в ранней истории человечества / В.А. Ширельман. У истоков войны и мира. М., 1994. Ч. I.
7. Григорьев А.А. Экологические уроки прошлого и современности. Л., 1991.
8. Дружинин В.В., Конторов Д.С. Основы военной системотехники. М., 1983.
9. Ионов И.Н. Теория цивилизаций на рубеже ХХI века // Общественные науки и современность. 1999. № 2.
10. История древнего мира. Упадок древних обществ. М., 1989.
11. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропогенеза. М., 1983.
12. Клягин Н.В. Диалектика ранней цивилизации // Цивилизация и общественное развитие. М., 1987.
13. Коротаев А.В. Некоторые экономические предпосылки классообразования и политогенеза // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития // Сб. научных трудов I. М., 1991.
14. Коротаев А.В. Тенденции социальной эволюции // Общественные науки и современность. 1999. № 4.
15. Коротаев А.В. Факторы социальной эволюции. М., 1997.
16. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.
17. Леви-Стросс К. Печальные тропики. М., 1984.
18. Лоренц К. Агрессия (так называемое “ зло ”). М., 1994.
19. Люри Д.И. Развитие ресурсопользования и экологические кризисы // Известия Российской академии наук. Серия “География”. 1994. № 1.
20. Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. М., 1988.
21. Мид М. Духовная атмосфера и наука об эволюции // Культура и мир детства. М., 1988.
22. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. Синергетика исторического прогресса. М., 1996.
23. Назаретян А.П. Векторы исторической эволюции // Общественные науки и современность. 1999. № 2.
24. Назаретян А.П. Политическая психология: предмет, концептуальные основания, задачи // Общественные науки и современность. 1998. № 1.
25. Назаретян А.П. Психология массового стихийного поведения (краткий конспект курса) // Мир психологии. 1998. № 1.
26. Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // Общественные науки и современность. 1997. № 2.
27. Назаретян А.П. Синергетика, когнитивная психология и гипотеза техно-гуманитарного баланса // Общественные науки и современность. 1999. № 4.
28. Назаретян А.П. Совесть в пространстве культурно-исторического бытия // Общественные науки и современность. 1994. № 5.
29. Обуховский К. Психология влечений человека. М., 1972.
30. Пегов С.А., Пузаченко Ю.Г. Общество и природа на пороге ХХI века // Общественные науки и современность. 1994. № 5.
31. Петренко В.Ф. Экспериментальная психосемантика: исследования индивидуального сознания // Вопросы психологии. 1982. № 5.
32. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М., 1997.
33. Письмо А. Тойнби / Конрад Н.И. Избранные труды. История. М., 1974.
34. Померанц Г.С. Опыт философии солидарности // Вопросы философии. 1991. № 3.
35. Поршинев Б.Ф. О начале человеческой истории // Проблемы палеопсихологии. М., 1974.
36. Рапорт А. Мир – созревшая идея. Дармштадт, 1993.
37. Седов Е.А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. 1993. № 5.
38. Седов Е.А. Информационные критерии упорядоченности и сложности организаций // Системная концепция информационных процессов. Сб. трудов ВНИИ системных исследований. Вып. 3. М., 1988.
39. Семенов С.А. Очерк развития материальной культуры и хозяйства палеолита // У истоков человечества. Основные проблемы антропогенеза. М., 1964.
40. Сухомлинова В.В. Системы “общество” и “природа”: разнообразие, устойчивость, развитие // Общественные науки и современность. 1994. № 4.
41. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1997.
42. Тойнби А. Постижение истории. М., 1991.
43. Урланиц Б.Ц. История военных потерь. СПб., 1994.
44. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1981.
45. Хрестоматия по истории Древнего Востока. В 2-х ч. М., 1980.
46. Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949.
47. Человек и война. “Круглый стол” ученых // Общественные науки и современность. 1997. № 4.
48. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924.

49. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. Т. И. М., 1993.
50. Ярхо В.Н. Была ли у древних греков совесть? (к изображению человека в античной трагедии) // Античность и современность. М., 1972.
51. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
52. Bettinghaus E.P. Persuasive Communication. N-Y., 1968.
53. Blainay G. Triumph of the Nomads. A History of Ancient Australia. Melbourne–Sidney, 1975.
54. Chick G. Cultural Complexity: The Concept and Its Measurement // Cross-Cultural Research. 1997. V. 31. № 4.
55. Clastres P. El arco y el cesto // Alcor, 44–45. Mayo – agosto. Asuncion, 1967.
56. Davis J. Toward a Theory of Revolution // Studies in Social Movements. A. Social Psychological Perspective. N-Y., 1969.
57. Diamond J. Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies. N-Y., London, 1999.
58. Huys G.D. Relativism and Progress // J. of Social and Evolutionary Systems. 1995. № 18(1).
59. Kohlberg L. The Psychology of Moral Development. N-Y., 1981.
60. McEvedy C., Jones R. Atlas of World Population History. London, 1978.
61. Sanderson S.K. Evolutionary Materialism: A Theoretical Strategy for the Study of Social Evolution // Sociological Perspectives. V. 37. № 1.
62. Snooks G.D. The Dynamic Society. Exploring the Sources of Global Change. London. N-Y., 1996.
63. Spier F. The Structure of Big History. From the Big Bang until Today. Amsterdam, 1996.
64. Toffler Al. The Third Wave. N-Y., 1980.
65. Wilson E.O. On Human Nature. Cambridge, 1978.
66. Wright Q. Study of War. V. I. Chicago, 1942.

PSYCHOLOGY OF PRE-CRISIS SOCIAL DEVELOPMENT: HISTORICAL EXPERIENCE AND MODERN TIMES

A. P. Nazaretyan

Professor, deputy editor of the journal "Social Sciences Today"

At the periods before anthropogenic crisis the public state and societal consciousness have a number of specific features. It was shown that these features as well the mechanisms of their forming and manifestation are in general invariant to cultural-historical differences. Thus it is possible to predict the approaching crisis on psychological symptoms although the economic, political and other features demonstrate the increasing social well-being.

Key words: aggression, regulation, stability, technology, social intelligence, cognitive complexity, anthropogenic crisis, pre-crisis man.